

Джуд Деверо

Истинная
любовь

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д25

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Jude Deveraux

TRUE LOVE

Перевод с английского *В. И. Агаянц*
Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения издательства
Ballantine Books, an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Деверо, Джуд.

Д25

Истинная любовь : [роман] / Джуд Деверо; [пер. с англ. В. И. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 512 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-103082-7

Неизвестная дама завещала Аликс Мэдсен право свободно распоряжаться в течение года старинным имением Кингсли-Хаус, и девушка намерена устроить там роскошную свадьбу лучшей подруги.

Однако неожиданно для себя Аликс оказывается вовлечена в череду пугающих, таинственных и романтических событий; ее единственным спутником и защитником становится загадочный и обаятельный архитектор Джаред Монгомери — настоящий мужчина, страстно влюбившийся в нее с первого взгляда...

Он словно ангел-хранитель оберегает Аликс. Но почему же ей кажется, что и Джареду есть что скрывать?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Deveraux, Inc, 2013

© Перевод. В.И. Агаянц, 2013

© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-103082-7

*Первая часть трилогии
о женщинах с острова Нантакет*

«Истинная любовь» — произведение вымышленное. Все имена, названия, характеры персонажей и описанные в романе события — плод фантазии автора. Всякое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, либо с подлинными фактами — случайно.

Пролог

Виктория

Муж очаровательной Виктории Мэдсен застал ее в постели с любовником, оказавшимся вдобавок его деловым партнером. Виктория решила переждать бурю — покинуть город и затаиться, пока шум не уляжется. Забрав с собой четырехлетнюю дочку Аликс, она отправилась на остров Нантакет, о котором много слышала, хотя никогда прежде там не бывала.

Поскольку Виктория истратила на путешествие все свои наличные деньги, пользоваться кредитками не могла и никакой профессией не владела, ей пришлось устроиться домашней работницей с проживанием (уборщицей и кухаркой) к мисс Аделаиде Кингсли, пожилой женщине, жившей в старинном особняке неподалеку от главной улицы городка. Однако домашняя работница из Виктории вышла никудышная, а ее кулинарные таланты сводились к приготовлению сэндвичей с арахисовым маслом и джемом.

Аделаида терпела Викторию из-за малышки Аликс, к которой искренне привязалась. Девочка заменила бездетной женщине внучку, вместе они проводили целые дни. Аделаида красиво наряжала Аликс и повсюду водила с собой, знакомя с жителями острова. По примеру племянников и племянниц мисс Кингсли малышка вскоре стала звать ее тетей Адди.

Виктория проводила время, читая глянцевые журналы и флиртуя с мужчинами городка. Как-то раз, когда Аделаида с Аликс вышли на прогулку, она, неловко повернувшись, случайно опрокинула старинный шкаф и обнаружила за ним собрание дневников Кингсли, спрятанное в стенной нише. На Нантакете ходили слухи об этих записках, но никто из посторонних до сих пор их не видел. С 1742 года в семье Кингсли бытовала традиция: женщины — жены, дочери, сестры — вели дневники, в которых описывали все события своей жизни. Как гласило предание, они не упускали ни единой мелочи, поверяя бумаге все, от любовных забав до скандалов и секретов, известных лишь им одним.

Виктория начала читать записки с самого начала, с трудом разбирая архаичный язык, незнакомые старинные обороты речи. Осилив первый дневник, она принялась излагать его содержание своими словами. Виктория сохранила основную фабулу — историю жизни Марты Кингсли, повесть о ее браке с нелюбимым мужем и о долгой связи с другим мужчиной, которого та страстно любила. Таким же голубоглазым, как ее возлюбленный, был и младший из трех детей Марты.

Виктория писала днями и ночами, предоставив Аделаиду с Аликс самим себе. Уйдя с головой в писательство, она не обращала внимания на то, что ее дочь часто упоминает имя некоего Калеба. Это имя не сходило у девочки с языка. Аликс постоянно рассказывала, что Калек сделал или сказал, но мать, увлеченная перипетиями судьбы Марты Кингсли, ни разу не спросила, кто же такой Калек.

Закончив книгу, Виктория отослала ее в издательство. Месяц спустя пришел ответ. Ей предложили опубликовать рукопись, посулив весьма солидный гонорар, а заодно поинтересовались, не хочет ли она продолжить писать.

К тому времени миссис Мэдсен успела прочитать второй дневник, принадлежавший Джулии Кингсли, так что у нее созрел замысел нового романа.

6 Одаренность — вещь загадочная. Всеобъемлющий талант — знаменитый «человек Возрож-

дения», которому все подвластно, — явление крайне редкое. Что же до Виктории, то она неплохо умела писать. Могла взглянуть на фотографию и изобразить увиденное с таким глубоким чувством, что возникало впечатление, будто она сама пережила описанные события. Но выдумать сюжет ей не удавалось. Взяв чистый лист бумаги, заполнить его вымышленными событиями и лицами было ей не под силу.

Однако ее способностей хватило на то, чтобы пересказать дневники Кингсли современным языком, превратив их в увлекательнейшее чтение. Опустив скучные подробности относительно заготовки солений и маринадов, она сразу перешла к драматичным, волнующим жизненным коллизиям. «Дайте мне сюжет в сотню слов, и я сделаю из него роман в сто тысяч слов длиной», — с полным правом могла бы сказать Виктория.

После того как ее книгу согласились напечатать, Виктория стала смотреть на себя другими глазами, будто открыла заново. С мужем она развелась, хотя и не без сожаления, но терпеть его укоризненные взгляды и выслушивать упреки было свыше ее сил. Бывшие супруги разделили опеку над дочерью.

Покинув Нантакет, Виктория решительно вычеркнула остров из своей биографии. Работа уборщицей не соответствовала ее новому имиджу. Новоявленная писательница предпочла подправить собственную биографию. Жизнь матери-одиночки в тихом пригороде на севере штата Нью-Йорк больше подходила к создаваемому ею образу.

Однако когда ее первый роман появился на всех книжных прилавках, Викторию охватил страх. Записки далеких предков Аделаиды, дополненные яркими историческими образами и картинками, оказались выставлены на всеобщее обозрение. Похищенная история увидела свет.

Была и еще одна сложность. Виктория больше не имела доступа к дневникам Кингсли, а сама, сколько ни старалась, так и не смогла сочинить сюжет для третьей книги. Ей нужно было подобраться к дневни-

кам во что бы то ни стало. Но как? Она хорошо понимала: даже если старуха не видела романа, завоевать вновь ее доверие будет непросто. Викторину ожидал холодный прием, ведь она разлучила Аделаиду с Аликс, несмотря на их слезы и мольбы.

Вскоре мучивший писательницу вопрос, прочла ли Аделаида книгу, прояснился: мисс Кингсли пригрозила Виктории судебным иском за плагиат.

Виктория почувствовала, что лучезарное будущее ускользает от нее. Однако покорно сидеть и ждать было не в ее характере. Отослав Аликс к отцу, она без приглашения явилась к мисс Кингсли. По пути к Нантакету Виктория старательно репетировала сцену со слезами и извинениями. В финале она собиралась объяснить главное: ей необходимо заполучить все дневники и скопировать каждую страницу.

Но разговор с Аделаидой пошел вовсе не по задуманному Викторией сценарию. Мисс Кингсли уже знала, что ее бывшая домработница нашла дневники и воспользовалась ими, чтобы написать роман. К удивлению Виктории, она предложила сделку. Аделаида не станет обращаться в суд и разрушать блестящую карьеру начинающей писательницы, если та обязуется выплачивать ей солидный процент от своих будущих доходов. В дальнейшем мисс Кингсли позволит Виктории проводить один месяц в году в ее доме за чтением дневников, но не всех разом, а поочередно. Тетради нельзя будет ни выносить из дома, ни копировать.

Осведомленность Аделаиды в литературных делах и жесткость ее требований ошеломили Викторину. Писательница заподозрила было, что мисс Кингсли воспользовалась чьим-то советом, но пожилая женщина уверила ее в обратном. «Я не говорила об этом ни одной живой душе», — торжественно поклялась она, лукаво улыбаясь, будто скрывая какой-то секрет. Аделаида глядела в пространство слева от Виктории, словно ожидала от кого-то одобрения и поддержки. Но кроме двух женщин, в доме никого не было.

В конечном счете Виктория согласилась на все условия, ведь, по правде говоря, выбирать ей не приходилось.

И хотя в основе их дружбы лежал шантаж, вымогательство и плагиат, в последующие двадцать с лишним лет Виктория и Аделаида искренне привязались друг к другу. Возможно, именно несходство характеров помогло им сблизиться. Во время своих ежегодных поездок на остров, длившихся месяц, Виктория проводила утренние часы в тиши кабинета, работая над очередным романом. Затем, пообедав вместе с Аделаидой, она возвращалась к писательским трудам, а после четырех начиналось веселье. Зная всех жителей острова Аделаида, или Адди, как вскоре стала звать ее Виктория, каждый день приглашала кого-то к чаю или на коктейль. За этим следовало приглашение на ужин, и дом наполнялся смехом. Викторию повсюду сопровождало радостное оживление. Одиннадцать месяцев в году в Кингсли-Хаусе проходили собрания благотворительного комитета Адди, но в августе, когда Аликс оставалась с отцом, а Виктория отправлялась на остров Нантакет, в старом доме кипело веселье, гремела музыка, шли танцы.

Но при всей любви Виктории к развлечениям она ревниво оберегала свой секрет, заботясь о том, чтобы ни ее читатели, ни издатель, ни друзья за пределами острова и в особенности дочь не провели, что ее знаменитые романы как-то связаны с Нантакетом или с семейством Кингсли. В книгах она изменила имена всех героев и название городка. В романах рассказывалось о семье моряков в Новой Англии, но на этом сходство заканчивалось.

Шли годы, Аликс выросла, а известность Виктории Мэдсен все росла. Не одно поколение читателей восхищалось ее книгами, с нетерпением ожидая продолжения полюбившейся всем истории знаменитой семьи. Восторженные поклонники саги жадно следили за перипетиями сюжета, узнавая о любовях, смертях, победах и трагедиях якобы выдуманного Викторией семейства, давно ставшего им близким и родным.

Но, дойдя до того года, когда мать Адди скончалась, предоставив дочери продолжить семейную хронику, Виктория вынуждена была прервать работу. Наступила современная эпоха, никого из рода Кингсли уже не осталось на острове, и некому было изо дня в день вести дневник. Поэтому Марты рассеялись по земле. Большинство из них даже не знали, что состоят в родстве с Кингсли с острова Нантакет.

Среди тетрадей, спрятанных в нише за старинным шкафом, не было дневника Адди, но это не имело значения. За годы дружбы с мисс Кингсли Виктория убедилась, что для романиста однообразная и скучная до полного оупения жизнь Аделаиды не представляла ни малейшего интереса. Впрочем, в пятидесятые годы Адди встречалась с молодым человеком, но они так и не поженились. Когда Виктория поинтересовалась почему, Аделаида лишь пожала плечами. «Мы не подходили друг другу», — только и сказала она, глотнув, как обычно, рома перед сном. Мысль Виктории забуксовала, завязнув в унылой рутине. Что бы такое написать, перенеся действие саги в двадцать первый век? Возможно, Адди так и осталась девственницей, и хотя, занимаясь благотворительностью, она сделала людям немало добра, в ее жизни не произошло ничего примечательного, что могло бы послужить сюжетом для романа. Виктория искренне недоумевала, как случилось, что именно эта добропорядочная старая дева оказалась потомком великолепных мятежных женщин, чья яркая, полная тревог жизнь занимала весь мир.

Как-то раз, когда они с Адди коротали вечер вдвоем, Виктория вновь услышала о Калебе. Если у такой беспорочной праведницы, как Аделаида Кингсли, и был изъян, то это разве что пристрастие к рому. Ей особенно нравился самый крепкий сорт, от которого большинство людей пьянело после первого же глотка. Адди не любила пить в одиночестве, и Виктория, не разделявшая ее слабости к пиратскому напитку, потягивала белое вино.

— Я ужасно обошлась с Калемом, — призна-

Виктория наострила уши, почуяв запах скандала.

— Что же ты такого сделала?

— Я держала его здесь.

Энтузиазм писательницы тотчас увял.

— И это все? — Она подождала, пока Адди нальет себе еще рома. — Должно быть, ты совершила что-то похуже?

— Ты не понимаешь, — вздохнула Адди. — Я одна из женщин, способных его видеть. Ни один мужчина в нашей семье не мог. Мне следовало помочь ему. Аликс говорила, что я должна, но мне не хватило духу. Я была слишком эгоистична, слишком...

— Аликс? Кто это?

— Твоя дочь, — сердито проворчала Адди. — Только не говори, что ты так забросила это бедное дитя, что даже не помнишь о ней. Мне было ужасно жалко ее, когда ты работала на меня. Такая милая, умная, прелестная девочка, а ты только и знала, что обманывала всех кругом, читая старые дневники...

— Моя дочь?! Но она была здесь в последний раз в четырехлетнем возрасте, а ты говоришь, что Аликс просила тебя... — Виктория толком не поняла, что пыталась сказать Адди. — Кто такой этот Калев?

— Единственный мужчина, с которым я когда-либо жила.

— Вот так раз, — озадаченно протянула Виктория. — Не знала, что ты была замужем.

— Чего не было, того не было, — рассмеялась Адди. — Иногда мне случалось приятно провести время, если ты понимаешь, о чем я, но потом у меня появился Калев, и физическая сторона отношений с мужчинами перестала меня занимать. Понимаешь, он не может покинуть этот дом, а поскольку в Калеве я нашла друга, мне не было нужды выходить замуж. Кому нужен мужчина, который вечно околачивался бы рядом?

Виктория недоуменно нахмурилась.

— Ты открыто жила с ним, но не вышла замуж, это случилось много лет назад... и моя дочь говорила с тобой о нем?

— Ну да. Ведь Аликс могла видеть Калеба. Они часто играли в шашки, хотя девочке приходилось передвигать их за него. Шашки выскальзывали у него из пальцев. — Адди бросила лукавый взгляд в пространство слева от Виктории и хихикнула.

Виктория обернулась, но, никого не увидев, перевела взгляд на Адди. Она начала наконец понимать.

— Когда умер Кaleb? — спросила она, откидываясь на спинку кресла.

— В 1811-м, — отозвалась Адди, а потом, будто к чему-то прислушавшись, поправилась: — Нет. Кaleb напомнил мне, что это случилось в 1809-м. Он оставил свой корабль, чтобы вернуться домой к женщине, которую любил, и к их сыну, но не смог. Второе судно пошло ко дну. Если б он остался на первом корабле, то не погиб бы. Однако тогда мы бы так и не встретились. Это ли не ирония судьбы?

— Да, — тихо произнесла Виктория. Оказалось, что жизнь Адди вовсе не так скучна. — Расскажи мне, — прошептала она, от волнения едва справляясь с голосом. — Расскажи мне все о себе и об этом... Калебе. И о моей дочери, — добавила Виктория, чувствуя, как из груди наружу рвется смех. Поддавшись внезапному порыву, она налила себе немного рома, затем быстро повернулась и подняла бокал, приветствуя пустое кресло, стоявшее позади. С радостной улыбкой она посмотрела на Адди. — Он красив?

— О да, — кивнула Адди, блестя глазами, словно двадцатилетняя девушка. — Очень красив. Отсюда львиная доля его проблем. Женщины не могли перед ним устоять. И Валентина не исключение.

— Валентина? — взволнованно выдохнула Виктория. — Расскажи мне о ней. Это та самая женщина, которую он любил? Но прежде расскажи о нем, о Калебе, о мужчине, что погиб, пытаясь вернуться к своей возлюбленной. Я хочу знать об этом все. Какой замечательный сюжет!

12 Адди рассмеялась.

— Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь? Тебе нужны мои дневники, в них я описала всю свою жизнь с Калемом. День за днем. И знаешь что?

— Что? — едва дыша, спросила Виктория.

— Я единственная, кто написал о Калеме.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что все эти женщины из рода Кингсли, о которых ты рассказала, получив за это кучу денег...

— Этими деньгами я поделилась с тобой, — не удержавшись, вернула писательница, выразительно поднимая глаза к потолку. Прошлым летом благодаря книгам Виктории Адди заменила крышу старого дома.

— Да, это верно... Но как бы то ни было, тебе представлялась захватывающе интересной их жизнь, прыжки из постели в постель да пара убийств. А между тем все женщины из рода Кингсли строго оберегали свой главный секрет.

— Ты говоришь о Калеме, — догадалась Виктория.

— Да, именно о нем.

— Ты не разыгрываешь меня? Ты действительно написала о нем?

— О каждом дне, проведенном с ним. — Адди усмехнулась, довольная собой. — А ты небось думала, будто моя жизнь так уныла и скучна, что о ней и рассказать нечего.

Виктория попыталась было возразить, но потом, откинувшись на спинку кресла, от души рассмеялась.

Адди посмотрела куда-то в дальний конец комнаты, пожилое лицо ее сморщилось.

— Он сейчас здесь? — спросила Виктория.

— Да. — Адди заговорщически подмигнула. — Ты ему нравишься. И всегда нравилась. Может быть, из-за Аликс. Они были добрыми друзьями, пока ты не увезла ее. Мою единственную внучку. Мы с Аликс...

Виктория все это уже слышала. Ей часто приходилось выслушивать упреки Аделаиды, уверенной, что писательница забросила свою дочь. Собственно, во время работы над первой книгой так и было. Но потом

Аликс стала смыслом жизни Виктории. Писательство и Аликс. Мужчины появлялись и исчезали, а любимая девочка занимала главное место в ее сердце.

— Да-да, я знаю, — нетерпеливо пробормотала романистка, не желая вновь затевать бессмысленный спор. — Я понятия не имела, что ты ведешь дневник. И где же он?

— Я исписала не одну тетрадь, — с гордостью призналась Адди. — Целую стопку. У тебя уйдут годы, чтобы прочесть их. Мы с Калебом пережили немало приключений. И чего я только не вытворяла ради Калеба все эти годы!

— Когда же я начну читать? — Виктория старалась не выдать охватившего ее волнения, но Адди его уловила.

— Думаю... это возможно... — Она вновь бросила взгляд в дальний конец комнаты. — Калеб показывает два пальца. Это недели, месяцы или годы? — откровенно забавляясь, спросила Аделаида.

Виктория почувствовала, как волосы у нее на затылке встали дыбом. Если бы час назад кто-то спросил у нее, верит ли она в призраков, Виктория только рассмеялась бы в ответ. Но верила она или не верила, одно не вызывало сомнений: Адди предлагала ей чудесную историю.

— Дни, — торопливо отозвалась писательница. — Калеб хочет сказать, что ты дашь мне дневники через два дня. Мне придется взять их...

— Калеб говорит «нет».

Виктория недоверчиво прищурилась.

— И ты позволишь привидению принять за тебя решение?

— Ода, — кивнула Адди. — Вдобавок Калеб на редкость проникателен. Это он предостерег меня, что Эдвин, мужчина, за которого я собиралась выйти замуж, хочет лишь заполучить деньги моей семьи, а сам крутит любовь с той кошмарной девицей, Лоренс. Поначалу я не поверила Калебу, но он устроил так, что я застигла их вместе. — Адди задумчиво улыбнулась. — Потом Калеб растолковал мне, как забрать у брата и спасти этот дом, до

того обветшавший, что крыша едва не провалилась. А еще ему пришла в голову мысль продавать «Мыло Кингсли», хотя ты, кажется, об этом писала, верно? Ты просто не упомянула о роли, которую сыграли в той истории мы с Калебом.

Виктория изумленно округлила глаза.

— Выходит, все эти годы ты жила здесь... с призраком?

Адди осушила бокал, кивнула и медленно поднялась. Всегда деятельная и энергичная, она обычно выглядела моложе своих лет, но сейчас казалась древней старухой.

— Кaleb говорит, мне пора в постель. Завтра мы обсудим, что делать с моими дневниками. Я хранила их отдельно, потому что не хотела мешать с остальными записками, в которых трусливо умолчала о Калебе. Они спрятаны в таком месте, где никто не сможет их найти. — Шагнув к двери, Адди пошатнулась и ухватилась за стену, чтобы не упасть.

Виктория, вскочив, поспешила ей помочь, но Аделаида добродушно отмахнулась.

— Нет, нет, сегодня я обойдусь без твоей помощи. Мне нужен только Кaleb. Мы с тобой увидимся завтра, тогда и решим, как быть с дневниками. — Глаза Адди сверкнули, как два черных алмаза. — Мои записки намного более... захватывающие, чем те, что ты читала прежде.

Она принялась подниматься по лестнице, цепляясь за перила, все еще улыбаясь кому-то невидимому. Лицо ее светилось такой преданной любовью и нежностью, что на мгновение Виктории показалось, будто перед ней не пожилая женщина, а та юная девушка, которую звали когда-то Адди.

Вернувшись в гостиную, где она оставила свой портативный компьютер, Виктория начала записывать все, что услышала, дополняя рассказ вымышленными подробностями. С каждым словом ее все больше охватывало волнение. Она чувствовала: эта книга станет ее лучшим творением! В последние годы ее романы стали продаваться хуже, интерес к ним начал увядать.